

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

Погородицерождественской церкви с. Нестерово Орехово-Зыевского р-на Московской обл. т. 416-07-31

Издаётся с ноября 2006 года

2019 год

Об отношении русского народа к религиозным обрядам и обычаям и о традиционных заблуждениях

Издание второе, исправленное и дополненное

Церковный историк Карташёв А. В., религиозный философ протоиерей Василий Зеньковский и другие исследователи церковной истории и религиозной мысли, изучая проблему старообрядческого раскола, обращают особое внимание на глубинные причины ревностного отношения русского народа к религиозным обрядам и обычаям, имеющим основание не только в истории, но в складе ума, устройении души, психологии русского человека.

Принятие христианства на Руси вызвало огромный духовный подъём и сильнейшее воодушевление. Новая вера завораживала своим великолепием, удивляла красотой и глубоким смыслом богослужений, иконописи, зодчества, поражала духовно-нравственной чистотой и высотой христианского учения, давала людям то, что искала русская душа и что не могла обрести в языческих культурах.

Искренность русского человека, его природный максимализм способствовали восприятию христианства во всей его полноте, определили стиль и формы духовной жизни, чуждые всякой теплохладности и серединности. Иными словами, христианство было воспринято в строго аскетической форме, которая восходит не к отвержению мира, не к презрению к плоти, а к созерцанию небесной правды и красоты, обнаруживающих своим сиянием всю неправду, царящую в мире, и тем зовущих нас к освобождению от его плена, от плена греховных страстей.

Аскетизм есть средство к преображению и освящению этого мира. *«Любили русские люди "хождение по святым местам", к которым их тянула жажда приобщиться к "явленному" на земле Царству Божию. В монастырях горел нездешний свет, от которого должна была светиться и сама земля, если бы она сбросила нарост греховности»*¹. Однако в этом благодатном настроении таилась неосознанная ещё опасность. Дело в том, что православная вера была принесена на Русь в сложившемся уже обряде, и в силу определённых психологических причин в сознании русских людей суть православия слилась с церковной обрядностью, притом настолько, что христианство вне привычного обряда было уже невысказано. Вместе с тем зародилась утопическая идея силою церковно-обрядового благочестия вместо этого грешного и нечистого мира создать град Божий, где вся жизнь была бы устроена по благочинию, благообразию, благолепию, благоуханию, стала как бы единым богослужением в обширном граде-храме. Эта идея окончательно сформировалась после падения Византии в 1453 году. Перед духовным взором

¹ Зеньковский В. В., прот. История русской философии. — М. : Академический Проект, Раритет, 2001. — Ч. 1. — Гл. 1. 6. — С. 46.

русского православного человека встала мечта о священном царстве, которая выразилась в теории о Москве как «третьем Риме»: «*Яко два Рима падоша (Рим и Константинополь), а третий стоит (Москва), а четвёртому не быти*»². Судьба мира и конец истории неразрывно связывались с судьбой Московского царства. Русские люди свято верили в то, что Московское царство (не Церковь, а именно царство) есть священное царство, которое во главе с православным царём должно стоять до конца веков, охраняя чистоту истины Православия, воплощённого в старинных обрядах и защищённого ими. И если начнут меняться обряды, то начнёт разрушаться и священное царство, и сама Церковь, значит, пришёл антихрист и конец миру.

Это была мечта о создании райского бытия на Руси, со всей полнотой жизненного разнообразия, кроме греха*, — мечта приблизить воплощение Царствия Божия на земле, сочетать небесное и земное, божественное и человеческое в конкретной реальности. Как прообраз и предвосхищение этого воссоединения с небом русский народ стремился весь свой быт сделать религиозным, ритуально-церковным духом наполнить свою домашнюю и общественную жизнь. Он стал держаться за освящённые предметы как за залог и начало чаемой нетленной жизни, преображённой материальной реальности. Вот почему все святыни церковные, чины и обряды ощущались как избранные и освящённые сосуды благодати Божией.

Из христианских народов нет ни одного, который бы обладал таким острым, жгучим чувством Бога в материи, в предметах сакральных и соответственной жаждой быть такими окружённым, как русский народ.

Благочестие русского человека состояло в возможно точном исполнении обрядов, которым приписывалась символическая сила, дарующая Божью благодать. Нечто подобное мы видим лишь в древнем Израиле. Там это привело к фарисейству, распятию Христа и полному искажению религиозной жизни, а в России — к старообрядческому расколу, когда патриарх Никон, не учтя психологию русского народа, стал менять обряды и исправлять книги, ориентируясь на греческие образцы. Однако и у Никона благочестие не шло далеко за пределы обрядности. Он мыслил теми же категориями: буква и форма богослужения приводят к спасению, следовательно, они должны быть выражены как можно правильнее.

Раскол стал трагедией русского народа, но в этом трагическом событии проявилась и удивительная мощь русского духа, когда за свои убеждения сотни тысяч, если не миллионы людей готовы были идти на смерть, в изгнание, претерпевать мучения и лишения. А произошло это лишь потому, что букву и обряд возвели на уровень догмата, чем одинаково погрешали как старообрядцы, так и никониане. Однако в споре со старообрядчеством *«на стороне Православия было больше исторической трезвости и осторожности... Для Православия остался дорог теократический замысел, но лишь как идеал, как видение грядущего преображения, — и эта историческая позиция восстанавливала в церковном сознании правильное соотношение мистического существа Церкви и её исторического бытия. Приближалось страшное испытание обмирщённого понимания государственной власти (эпоха Петра I), при котором идея третьего Рима могла получить лишь кощунственно империалистический характер. Православие не отшатнулось от*

---

² Послание старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея (ок. 1465–1542) к великому князю Василию III Иоанновичу. Цит. по: Флоровский Г. В., прот. Пути русского богословия. — Минск, 2006. — Гл. 1. 4. — С. 14.

* В дальнейшем эта психология, но уже без Бога, привела к преклонению перед Западом, а позже — к попытке построения коммунизма, хотя бы в отдельно взятой стране.

идеи третьего Рима, но и не увидело антихриста в обмирщённой государственной власти, — и это открывало вновь возможность духовно-трезвого сочетания провиденциализма* с историческим реализмом»³. При этом не было ничего дурного в том, что сравнительно недавно воцерковлённый народ, не имеющий в своей культурной традиции никакой философской подготовки и, тем более, богословского опыта, какие имела Византия, связывал веру в Бога, по большей части, с верой в обряд. Через это нужно было пройти. Но если древние русские люди, будучи религиозно вдохновлёнными, всё-таки понимали значение тех или иных обрядов и посредством их старались блюсти чистоту Православия, то современные, по большей части, лишены этой добродетели. Со временем, в результате отхода от Церкви, в народе появилось много совершенно нелепых обычаев, связанных с чем угодно, только не с христианством.

На сегодняшний день в каждом церковном приходе имеются свои местные обычаи. Эти обычаи могут быть благочестивыми, т. е. выражающими правильные религиозные понятия прихожан, могут быть совершенно необоснованными, а иногда и зловредными, связанными уже с какими-то суевериями. Многие приходские обычаи по сроку давности насчитывают порой десятилетия, но это ещё не говорит об их правильности и совсем не обязывает к тому, чтобы следовать им. В курсе по церковному праву об этом сказано так: *«Обычаи прихода или семинарии не могут иметь обязательной силы»⁴. А «обычай без истины есть застарелое заблуждение»⁵. И вот таких застарелых заблуждений очень много бытует в среде нашего православного народа.*

Взять, к примеру, обычай оставлять так называемую выносную икону (которую несут перед покойником) в церкви до сорокового дня и потом забирать. Эта местная традиция не имеет никакого основания в учении Церкви. К тому же многие иконы так и оставались в храме и их приходилось складировать на чердаке, где они многие годы, а то и десятилетия, ожидали своих владельцев. В конечном итоге некоторые иконы приходили в такое состояние, что их необходимо было сжигать, ибо восстановлению они уже не подлежали. Так погибло немало хороших старинных икон, которые в своё время имели надлежащее место в домашних иконостасах, предназначенных для домашней молитвы. И ведь совсем необязательно нести перед покойником икону, когда существует вполне обоснованный обычай носить крест, который и водружается на могиле в знак того, что покойный был христианином и донёс свой жизненный крест до конца и что на страшном суде с него спросится именно как с христианина.

К сожалению, в нашей жизни имеют место многочисленные заблуждения, связанные с подготовкой покойного к погребению. Считается необходимым в квартире, где находится покойник, повесить зеркала, остановить часы (желательно в минуту смерти человека), некоторые зажигают свечу или лампаду перед фотографией покойного вместо того, чтобы зажечь её перед иконой. Но, наверное, самым важным считается положить в гроб деньги, сигареты, расчёску, тапочки и прочее. Ещё говорят, надо подержаться за ногу усопшего и обязательно поставить дома и на могиле стакан воды или водки с хлебом и конфетами, и т. д. Всё это, конечно, не имеет ничего общего с Православием и говорит лишь о духовной безграмотности людей. Ведь покойному нужна духовная, молитвенная

---

* Провиденциализм — религиозное понимание истории как проявления воли Бога, осуществления заранее предусмотренного Божественного плана спасения человека.

³ Зеньковский В. В., прот. История русской философии. — М. : Академический Проект, Раритет, 2001. — Ч. 1. — Гл. 1. 10. — С. 54–55.

⁴ Цыпин В. прот. Курс церковного права. — Клин : «Христианская жизнь», 2004. — Гл. 1. 3.7. — С. 44.

⁵ Киприан Карфагенский, сщмч. Творения. Т. 1. — Киев, 1891. — С. 357. Цит. по: Там же.

помощь и неразрывно связанное с этим исправление наших греховных привычек, ибо *«грешников Бог не слушает, но аще кто богочтец есть, и волю Его творит, того слушает»* (Ин. 9: 31). Кроме того, нельзя поминать покойного спиртным. Если, конечно, кто-то без этого не может и ему нужно выпить, пусть выпьет, но христианское поминовение должно обходиться без спиртного. Во-первых, вино дано Богом, чтобы веселить сердце человека, поминки же — не место для веселья. Во-вторых, поминки должны быть сопряжены с молитвой, молитва же несовместима с нетрезвым состоянием. И, в-третьих, такое поминовение нередко превращается в пьянку, после которой *«горе-поминальщики»* с трудом расходятся по домам. Это жестоко оскорбляет память усопшего.

Существуют ещё и такие заблуждения: нельзя, говорят, передавать свечи через левое плечо по той причине, что по левую руку распятого Иисуса Христа висел нераскаявшийся разбойник и что якобы за левым плечом человека стоит искушитель. Нельзя, говорят, входить через ворота на территорию церкви и выходить через них, *«они сделаны для покойников, а нам жить хочется»*. Иногда более грамотные люди в своё оправдание приводят слова Спасителя: *«Входите тесными вратами...»* (Мф. 7: 13–14), но какое это отношение имеет к воротам церковной ограды? Не там вы себя ущемляете. Господь говорит ведь о жизни воздержанной, по заповедям Божиим проводимой, но никак не о воротах. То же касается и левого плеча, и тому подобного. Это и есть как раз искушение бесовское, чтобы отвлечь человека от самого главного — от духовного делания. Когда спрашиваешь *«знатоков церковно-приходской жизни»*, откуда такие познания, некоторые отвечают: *«Меня этому ещё бабушка научила, а она была очень верующая»*. Бабушки — это, конечно, хорошо, но учиться лучше у святых отцов, читая их творения, или у священника спросить на крайний случай.

Подобного рода заблуждений великое множество, и перечислить их вряд ли представляется возможным. Это как сор вокруг христианства, который появляется тогда, когда из-за недостатка веры и знаний затемняются и искажаются понятия о христианской духовной жизни. Настоящая духовная жизнь подменяется внешними действиями неизвестного происхождения. Получается какое-то полуязычество: *«молиться не хочу, со своими страстями бороться не хочу, исповедоваться и причащаться не хочу, читать Священное Писание и св. отцов тоже не хочу, зато сделаю то-то и то-то и всё — свои "религиозные" обязанности я исполнил»*. Это есть признак удаления человека от Бога и Церкви Христовой. Ибо настоящая христианская жизнь — это жизнь по заповедям Божиим и установлениям церковным, т. е. тем канонам, обрядам и обычаям, которые узаконены Церковью, а не тем, которые появляются в результате каких-то недоразумений. Но самое печальное, что сколько об этом ни говори, всё останется по-прежнему. И эти заблуждения будут передаваться из поколения в поколение, потому что они гораздо удобнее для людей, чем тесный путь Православия.

Священник Сергей Томашевский